

Институт
Пермского государственного
университета культуры

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Журнал
Пермского государственного
института культуры
2020/№1

Cultural Code

Journal of Perm State Institute of Culture

ISSN 2658–3852

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

1'2020

Учредитель

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»**

Журнал выходит 4 раза в год

Точка зрения авторов публикаций
может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка материалов без разрешения редакции журнала
«Культурный код» не допускается.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Газеты «Звезда», д. 18, каб. 229, г. Пермь, Пермский край, 614000

Электронная копия журнала размещена на сайте <http://www.psiac.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77–73298 от 20.07.2018

© Пермский государственный
институт культуры, 2020

Главный редактор – Л. И. Дробышева-Разумовская
Заместитель главного редактора – А. А. Лисенкова

Редакционный совет:

Е. В. Абдуллаев (Toshkent, O‘zbekiston), Н. Н. Гашева (Пермь),
Н. Б. Зубарева (Пермь), Sándor Kálai (Debrecen, Magyarország),
А. В. Конева (Санкт-Петербург), О. Л. Лейбович (Пермь),
А. М. Лобок (Екатеринбург), Н. А. Петрусева (Пермь),
М. Е. Пылаев (Пермь), Л. Д. Пылаева (Пермь), Н. С. Розов (Новосибирск),
Laura Salmon (Genova, Italia), Р. И. Сергиенко (Минск, Беларусь),
Luca Somigli (Toronto, Canada), Г. Л. Тульчинский (Санкт-Петербург)

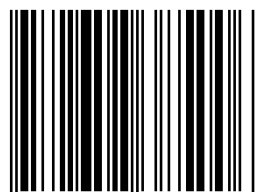
Редакционная коллегия:

Л. Д. Благовещенская (Новосибирск), Д. В. Бубнов (Пермь),
Н. Н. Вотинцева (Пермь), А. Л. Глушаев (Пермь), А. Н. Ильин (Омск),
А. В. Корчинский (Москва), А. А. Лисенкова (Пермь), М. Н. Лукьянов (Пермь),
П. А. Моисеев (Пермь), М. В. Софьина (Пермь), А. А. Суворова (Пермь),
Н. В. Суржикова (Екатеринбург), А. Б. Танасейчук (Саранск),
Е. М. Четина (Пермь), М. М. Чудинова (Пермь)

Ответственный редактор – М. В. Софьина

Выпускающий редактор – П. А. Моисеев

ISSN 2658-3852

9 772658 385006 >

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Владислав Бенин

«Основы духовно-нравственной культуры народов России»: третье пришествие культурологии в современное российское образование 7

Николай Вольский

Зачем нужны интеллигенты. Часть 1 17

Татьяна Голева

Народные традиции в настоящее время (на примере этнокультурных процессов у коми-пермяков) 32

Екатерина Шапинская, Анастасия Лисенкова

Гуманитарное образование в цифровую эпоху: трансформация или кризис? 42

ИСКУССТВОВЗНАНИЕ

Лариса Благовещенская

Колокола и их «родственники» в творчестве Мельникова-Печерского 55

Анатолий Корчинский

Писатель в кино: о чем размышляет кинематограф, размышляя о литературе? 65

ИСТОРИЯ

Анна Космовская

Опыт сравнительной характеристики систем налогообложения Священной Римской и Российской империй в XVIII веке 75

Бэлла Шапиро

Русский всадник в парадигме власти: последние Романовы 92

Резюме 97

Сведения об авторах 112

Н. Н. Вольский

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Часть 1

Мертвого Мидаса уши

Наши рассуждения, изложенные в работе «Почему начальники не любят интеллигентов?», с неизбежностью влекут к выводу о том, что человек, обладающий интеллигентностью, которая заметно превышает средний уровень, будет в глазах начальства плохим, не заслуживающим доверия подчиненным. В лучшем случае у него будет репутация подозрительного и опасного человека, за которым нужен особо бдительный присмотр и с которым разумнее всего было бы расстаться при ближайшей возможности. И мы уже согласились, что такая реакция начальников в основе своей рациональна (хотя, вероятно, многими из них она внутренне переживается как иррациональная идиосинкразия к интеллигентам). Ведь вызываемые проявлением интеллигентности поступки не только непредсказуемы, они принципиально непредсказуемы – даже сам попавший под подозрение интеллигент не может заранее знать, какую именно истину узрит его свободно функционирующий ум в следующий момент. Нельзя быть уверенным и в том, что узревший неудобную истину интеллигент спрячет ее поглубже в карман и будет благоразумно помалкивать, осознав, что ее обнародование может больно ударить по его интересам. Будучи *интеллигентным*, он, согласно нашему определению, не всегда может следовать этой выгодной для него тактике, поскольку во многих случаях внутренняя борьба в его душе заканчивается победой интересов *ума* над интересами *я*, что приводит к поступкам, прямо противоречащим его собственной выгоде. Здесь стоит вспомнить о поведении *мадам Х* [см. Вольский, 2019], а также о древней байке, известной нам от Овидия и других античных авторов, а именно о предании, повествующем о царе Мидасе и его ослиных ушах¹.

Один из героев этой поучительной сказочки – брадобрей – описан как человек чрезмерной, редко встречающейся интеллигентности. Несмотря на угрожавшую ему казнь (т. е. максимальный ущерб его интересам), он не мог справиться с внушениями собственного *ума*, вновь и вновь требовавшего обнародовать в интересах истины выясненную им пикантную подробность о личной жизни

царя. С другой стороны, тот же ум, обслуживая интересы я, резко этому сопротивлялся и приводил очень весомые доводы в пользу решения молчать, тем более что обнаружение никакой пользы брадобрею принести не могло. Измученный противоборством разнонаправленных побуждений в его душе брадобрей придумал остроумный выход, но тут в дело вмешались какие-то еще непонятные нам природные силы, и даже такая компромиссная уступка требованиям собственной интеллигентности окончилась для брадобрея печально. Мораль сей басни обращена не только к интеллигентам, предупреждая их об опасности свойственной им манеры поведения, но и к начальникам – ведь Мидас поплатился своей жизнью и репутацией за то, что воспользовался услугами специалиста, не проверив предварительно уровень его интеллигентности. Правда, предъявлять царю такие претензии не вполне справедливо. Занимая царский трон по праву рождения, он, конечно, не был настоящим начальником. Те, кто сегодня добирается до высших ступеней власти, таких ошибок допустить не могут.

Сказка становится еще интереснее, если обратить внимание на самое начало этой цепи событий, приведшей ее главных героев к печальному концу. За что был наказан ослиными ушами царь Мидас? Нет ни малейших сомнений, что это было наказанием за проявление им интеллигентности. Ведь он высказал свое суждение об игре состязавшихся только из стремления к истине, не заботясь о том, может ли это высказывание принести ему пользу. Будь он *простым человеком*, он бы, оказавшись в такой неприятной ситуации, думал бы не о истине, а том, чтобы не нажить себе могущественных врагов, и, возможно, сумел бы как-то выкрутиться. Таким образом, в предании очень красочно изображено, как два древних интеллигента довели своей интеллигентностью и себя, и друг друга до мучительной гибели.

Интеллигентность как страсть

Наблюдая подобное поведение интеллигентных людей, начальники приходят к обоснованному заключению, что они не только непредсказуемы, но и неуправляемы. Интеллигент интеллигентствует не по собственному решению, а по велению живущего в нем *ума*, и бесполезно, следовательно, уповать на стимулы, связанные с интересами его *я*, – реальным субъектом интеллигентного поступка оказывается не *я*, а *ум*, на который эти стимулы не действуют. Если всадника понесла лошадь, нет смысла обращаться к нему с посулами и угрозами, он бы и сам рад остановиться, да не может, а лошадь посулов не слышит. Отталкиваясь от этих соображений и фактов, естественный ход начальственной мысли доходит до формулы: на интеллигентных людей полагаться нельзя, они только с виду такие мягкие, предупредительные и уступчивые, на самом же деле в каждом из них кроется потенциальный смутьян и дезорганизатор нормально текущих жизненных процессов. Благодаря логически безупречной процедуре интеллигентны

оказываются в категории лиц, которые не полностью владеют собой и могут совершать поступки, прямо противоречащие их жизненным интересам, то есть в той категории граждан, куда обычно относят душевнобольных, имеющих официально установленный диагноз психического заболевания, лиц, страдающих тяжёлыми формами алкоголизма, наркомании и других явно выраженных аддикций (например, лиц с болезненным пристрастием к азартным играм), kleптоманов и т. п. Не так уж и давно все эти отклонения от простой, нормальной, здоровой психики, управляемой из одного, интегрирующего все человеческие побуждения центра, обозначались одним емким и очень точным словом *одержимость*. Такие люди рассматривались как одержимые бесами. Поскольку поступки, совершаемые ими, нельзя было приписать воле самого человека ввиду их очевидной бесполезности и даже вредности для самого совершающего эти поступки, их приписывали самостоятельному злему началу – *бесу*, поселившемуся в человеке и подчинившему себе его волю, так что человек, можно сказать, и не совершает эти поступки (их совершает бес) и, следовательно, не может нести за них полную юридическую ответственность.

Современная психология ничего не говорит о бесах, но их место сегодня занимают *психологические комплексы* – источники психической активности, не интегрированные в я и вытесненные за его пределы. Они, как и бесы, обладают своей внутренней энергией и движимы собственными побуждениями, независимыми от целей и мотивов я и непонятными ему, так что поступки, обусловленные действующими из глубин подсознания комплексами, воспринимаются как чужие, навязанные человеку извне. Не как его собственные действия, смысл и целенаправленность которых он хорошо понимает, а как результат действия независимых от него сил, часто входящих в конфликт с целями и принципиальными установками я. Вероятно, только в редких случаях самостоятельная, интеллигентная активность ума может приобретать характер, свойственный бесовским комплексам, мотивация и механика проявлений которых полностью непрозрачна для сознания. Обычно мы сталкиваемся с гораздо более мягким вариантом проявлений интеллигентности, не доходящей до степени одержимости и не выливающейся в виде неукротимого, не считающегося ни с чем психического импульса. Наверное, наиболее подходящим для описания интеллигентности понятием является *страсть* – выступающая в форме чувства часть нашей души, которая сходна с комплексом в том, что обладает самостоятельностью и не выводима из других активных психических сил (не инструментальна), но в отличие от явных бесовских наваждений *страсть* интегрирована в я и даже, можно сказать, входит в состав его структуры. Законность побуждений страсти я признает и заботится не о полном искоренении страстей и об освобождении от их власти (такая атараксия – чистая фикция, недостижимая в реальности и противоречивая в теории), но лишь о некотором гармоническом равновесии страсти с другими

умеряющими ее побуждениями, которые не позволяют данному влечению стать всепоглощающим и сравняться в этом с болезненной одержимостью². **Стремление к истине, понимаемое как страсть** – пожалуй, и есть наиболее точное на данный момент определение *интеллигентности*.

Начальник vs интеллигент

Начальнику, выступающему в своей начальнической роли, не до выяснения тонких различий между *одержимостью* и *страстностью* – им движет простой прагматический интерес, и, руководствуясь им, начальник вполне резонно относит людей с выраженными проявлениями интеллигентности к сборной категории ненадежных, трудно предсказуемых и плохо управляемых людей, от которых не знаешь, чего и ожидать. Такие люди, при всех их возможных достоинствах, потенциально опасны для дела, которым руководит данный начальник, и для его личной карьеры.

При этом если в качестве подчиненного интеллигентный человек еще может быть терпим – надо только отодвинуть его подальше от рычагов управления, то интеллигентный человек, стоящий в начальственной пирамиде ступенькой выше, представляет прямую угрозу благополучию и карьере всех зависящих от него начальников меньшего ранга. При появлении среди начальников интеллигентных людей весь рациональный иерархический механизм, построенный на взаимовыгодном обмене услугами по известной стоимости, на взаимных подмазываниях, подсиживаниях, сложнейших комбинациях и интригах в сочетании с простейшими демонстрациями власти и запугиванием, начинает сбоить. В нем появляется непредсказуемый и непредусмотренный конструкцией элемент – некая *правда*, которую не купишь и не запугаешь и которой дела нет до благополучия всей начальственной пирамиды и до принятых в ней правил игры.

Предположим, наш начальник, благодаря свободной игре своего незаурядного ума, приходит к убеждению, что то, чем наш отдел (главк, комитет, департамент) занимается со времен царя Гороха и в чем он накопил гигантский опыт, никому не нужно. Мало того, что вся наша деятельность не приносит никакой пользы тем, ради кого мы якобы стараемся, но она еще и прямо противоречит уставным целям той организации, чьим отделом мы являемся. Если наш начальник – *простой* человек, то он просто и отбросит свои гениальные мысли как легкомысленную блажь, неприличную для той солидной, облеченной властью персоны, каковую он представляет. Все его умственные построения рассеются и забудутся, как только он встанет с дивана и возвратится к своим ответственным, серьезным делам по руководству отделом³. Но, если, не дай бог, окажется, что в кресло начальника отдела каким-то образом просочился интеллигентный человек, для всех нас – его прямых подчиненных – это может стать просто крахом. Начальники нашего начальника тоже, вероятно, не одобряют возникшей в его уме ереси, но

все же для них поведение начальника одного из отделов – лишь второстепенное обстоятельство, которое следует учесть (а, по возможности, и использовать в своих целях), но которое не затрагивает основ их собственной стабильности. Мы же, для кого начальник отдела – царь и бог, в руках которого все кнуты и все пряники, оказываемся в незавидной ситуации. Что мы должны теперь делать, чтобы удостоиться его похвалы и повышения по службе? Сделает ли он своим первым замом того, кто раньше всех успеет разогнать всех своих сотрудников и закрыть все подчиненные ему филиалы на периферии? Кем мы будем руководить, если дружно включимся в конкуренцию за этот вождельный пост? И не урежут ли нам жалованье, если наш отдел сократится до начальника и пяти его заместителей? Как посмотрят на все это вышестоящие? Поддержат ли они такую реорганизацию или досрочно отправят нашего начальника на пенсию по инвалидности? Все становится совершенно непредсказуемым и не поддается рациональному расчету. А потому первая забота всякого начальника – не попасть в подчинение к интеллигентному (или заподозренному в интеллигентности) человеку, и в этом его поймет любой, входящий в корпорацию начальников.

Система отбрасывает любого, кто дал повод усомниться в своей стопроцентной неинтеллигентности. Всякий желающий стать начальником должен всеми силами искоренять в себе малейшую склонность к бесплодному умствования (особенно в сфере профессиональных занятий, но лучше бы и во всех прочих сферах), но еще пуще того опасаться, что внешние проявления такого умствования станут известны окружающим. Каждый, кто даст себя в этом заподозрить, поставит жирный крест на своей начальственной карьере. Поэтому-то мы и не ожидаем увидеть в начальственном кабинете интеллигентного человека – даже если он туда попадет, он будет всячески подчеркивать и демонстрировать свою неинтеллигентность. Распознать его будет не так-то просто. Поэтому же у сторонних наблюдателей складывается впечатление об особой, из ряда вон выходящей тупости племени начальников – вспомним хотя бы образ *генерала* в классической русской литературной традиции. Но это всего лишь оптическая иллюзия, неверное истолкование смысла рассматриваемого явления. В действительности, средний начальник заметно умнее и смышленнее большинства тех, кого он вызывает к себе «на ковер». Но понять и заметить это удастся редко. Никто не спорит, что втолковать что-либо стандартному начальнику, как правило, не удастся – он просто и тупо не понимает того, о чем вы ему толкуете, и, даже если вы его чем-нибудь заставите напрячься и постараться вникнуть в суть излагаемого вопроса, шансы, что он действительно поймет, о чем идет речь, близки к нулю. Однако это всего лишь результат его личной незаинтересованности в излагаемом деле – он не видит в нем пользы, а потому и не понимает его смысла. Смысл и польза для него нераздельны. Но как только он почует пользу, он поймет вас с полуслова: его мозги, наконец, получают приказ включиться, и, вполне вероятно, он увидит в

проблеме такие интересные для него аспекты, о которых вы и сами не подозревали. Его ум выполнит свою инструментальную функцию и обнаружит потенциальную мощь, о которой до того трудно было бы догадаться.

Отсюда можно сделать простой и заранее предполагавшийся вывод: выраженная интеллигентность и способность быть начальником практически взаимно исключают друг друга, по крайней мере, они очень плохо уживаются в одном и том же человеке.

Волк и ягненок

Итак, причина иррациональной, на первый взгляд, неприязни начальников к интеллигентам оказалась вполне разумной и логично вытекающей из социальных установок этих групп, вынуждающих их быть в перманентном конфликте. Однако есть еще один небольшой, но довольно каверзный вопрос, который, оставшись без удовлетворительного ответа, вызывает сомнение в правильности наших предыдущих рассуждений. Если основная претензия начальников к интеллигентам связана с непредсказуемостью и неуправляемостью последних, то почему же начальники не испытывают столь же острой неприязни к сумасшедшим и к злостным пьяницам – категориям лиц, имеющих те же неприемлемые начальниками особенности поведения, что и интеллигенты, но при этом значительно превосходящих их по количеству? Почему все прочие мешающие руководству граждане рассматриваются им как недоброкачественный, осложняющий деятельность элемент, и лишь интеллигенты – почти как личные враги? Я думаю, что дело здесь в особом психологическом компоненте, осложняющем почти каждый конфликт между простым начальником и интеллигентным подчиненным.

Если не увлекаться идеализацией начальников и не рассматривать их поведение как чистую функцию тех постов и должностей, которые они занимают, то придется признать, что подавляющее большинство начальников имеют те же психологические свойства, что и все остальные люди. В частности, начальственный ум также, как и у всех, может работать в интеллигентном режиме, а следовательно, практически каждый начальник обладает определенной степенью интеллигентности. Пусть ее средний уровень у начальников снижен, по сравнению с другими группами населения, вследствие жесткого предварительного отбора. Пусть он снижается еще больше вследствие привычки к строгой цензуре всех своих суждений и высказываний, чтобы не вызвать у окружающих подозрений в интеллигентности, и вследствие натренированной способности не давать своему уму излишней свободы. Но как бы ни снижалась степень выраженности этого опасного для начальников свойства, совершенно невозможно полностью от него избавиться, ведь оно – характерный признак всего человеческого рода. А потому начальник, как и все мы, нередко способен увидеть, понять и осмыслить ненужную для него правду. И в этом принципиальном сходстве начальников с людьми

кроется, по-моему, причина их особого отношения к интеллигентам. Каждый раз, когда начальник вынужден что-то предпринимать, нейтрализуя интеллигента с его неудобной правдой и затыкая ему рот, он не может внутренне не чувствовать его правоту: правда, если она действительная правда, – правда для всех, в том числе и для начальника, который вынужден противостоять тому, что он сам же считает правдой. Ничего подобного не возникает в ситуациях, когда начальник сталкивается с пьяницей, сорвавшим выполнение важного заказа (тот и сам понимает, что его поступок противоречит здравому смыслу и заслуживает осуждения), или с сумасшедшим (у этого, конечно, есть убежденность в своей сумасшедшей правде, но начальник-то ее правдой не считает). Таким образом, противостоя разнообразным нарушителям заведенного начальством порядка, начальник в большинстве случаев остается в согласии со своим представлением об истине, и лишь интеллигенты ставят его в положение человека, который вынужден поступать наперекор своему ощущению истины. Только беспредельно циничные люди могут с полным равнодушием настаивать на том, что ясно воспринимаемое черное – белое, у большинства более или менее нормальных людей необходимость такого поведения вызывает чувство душевного дискомфорта, ощущение беспомощной злости. Юпитер сердится именно потому, что он не прав и осознает свою неправоту. Естественно, его злость обращается на того, кто поставил его в столь унижительное положение, то есть на интеллигента.

Хороший пример этой коллизии дает басня «Волк и ягненок». Ягненок в ней, конечно, не может быть полностью уподоблен интеллигенту, поскольку в своих возражениях волку руководствуется не чистым стремлением к истине, а желанием спасти свою жизнь, но вот позиция волка совершенно совпадает с той, в которой оказывается начальник в стычках с интеллигентами. Волк в басне – субъект здравомыслящий и не лишенный чувства справедливости, которое подает ему необдуманый совет: обвинить ягненка в каком-то проступке, а затем представить расправу с ним как возмездие за нанесенный волку ущерб и покушение на волчьи права. И вот тут-то, втянувшись в спор с отчаянно защищающимся и, главное, убедительным в своей защите ягненком, волк оказывается вынужденным на каждом шагу признавать истинность предъявляемых ему аргументов. В этом споре ему, что называется, нечем крыть. Начав с желания создать хотя бы видимость справедливости, волк приходит к положению, в котором его несправедливость выявлена, доказана и разложена по полочкам. Конфликт ведет волка к необходимости отбросить привычную маску строгого, но справедливого начальника и обнажить свою волчью сущность, и потому он не просто съедает ягненка, как того требует волчий аппетит, но съедает его с отвращением и глубокой обидой на маленького смутьяна, сумевшего в последние минуты жизни уязвить своего повелителя до самых печенок.

¹Интеллигенция vs ²интеллигенция

Напомню, что я обещал (см.: [Вольский, 2019, ч. 3, с. 16]) заняться исследованием той своеобразной социальной механики, благодаря которой интеллигентный человек в проявлениях своей интеллигентности вынужден вступать в многочисленные, затяжные и часто весьма резко выраженные конфликты с теми, кто составляет основную массу интеллигенции. Казалось бы, конфликты такого рода могут возникать только по недоразумению, так как и интеллигентный человек (¹интеллигент) и ²интеллигенция призваны выполнять одну и ту же функцию – функцию *ума общества*, и следовательно, их цели должны в подавляющем большинстве случаев совпадать. Они могут вступать в споры и даже затяжное противоборство относительно того, какое из высказанных мнений истинно, какие из предложенных решений проблемы более перспективны, чьи аргументы более убедительны и т. п., но любые такие разногласия являются спорами между единомышленниками, стоящими на одной принципиальной платформе: их общая цель – достижение истины. Однако мы видим – и не только на вымышленном примере, – что и в среде интеллигенции, то есть в составляющих ее профессиональных организациях, существует выраженная тенденция при противоречии, возникающем между некой истиной и личными или групповыми интересами, поступать в соответствии с этими интересами, игнорируя, а во многих случаях даже грубо подавляя истину и ее интеллигентных глашатаев. Но, если это так, мы неизбежно приходим к выводу, что ²интеллигенция не вполне соответствует своему определению: в него надо вносить какие-то поправки, поскольку во многих случаях эффектом деятельности ²интеллигенции оказывается не сохранение и приумножение истины, а напротив ее сокрытие и подавление. Это равносильно тому, что результатом деятельности ума оказывается ложь. Но возможно ли это? Не входит ли это в противоречие с исходным определением ума? Нет, не входит. Наше базовое представление об уме вовсе не упоминает об истине, которая если и появляется в связи с деятельностью ума, то лишь как полезная истина – та, что может помочь хозяину ума решать его проблемы.

Мы опять приходим – на новом витке рассуждений – к уже достигнутому пониманию деятельности ума, только здесь речь идет уже не об индивидуальном уме, а об уме общества. Общество, в качестве обладателя ума, ставит своему уму, в качестве которого выступают социальные институты, объединяемые в ²интеллигенцию, некоторые цели и ожидает от ума выяснения наиболее оптимальных путей их достижения. Работая в инструментальном режиме и обслуживая общество, ²интеллигенция вполне последовательно отмахивается от бесполезных истин, которые не могут помочь в разрешении актуальных задач, и если носители таких истин начинают мешать членам ²интеллигенции, то такие не способные ходить строем интеллигенты оказываются в числе нежелательных, тормозящих общую работу элементов.

Как следовало из нашей истории о конфликте в Ученом совете, той части² интеллигенции, о которой шла речь, требовался новый лабораторный корпус. Предположим, что он действительно был нужен для успешного выполнения уставных задач академии, в частности, для подготовки и профессионального образования молодых кадров внутри данной растущей и развивающейся отрасли² интеллигенции. Даже глядя со стороны и не принимая во внимание массу индивидуальных интересов, связанных с достижением данной конкретной цели (таких, как повышение престижа и значимости академии в целом, а следовательно, и ее руководителей, расширение кафедр, появление новых ставок и рабочих мест, нового оборудования и, соответственно, новых возможностей для повышения профессионального статуса и увеличения доходов сотрудников академии и т. д.), мы должны согласиться, что цель, к достижению которой устремлены возглавляемые начальством профессора, доценты, а также сотрудники бухгалтерии и отдела капитального строительства, разумна, вытекает из реальных запросов дела и, что самое главное, адекватна важнейшей задаче, поставленной обществом перед интеллигенцией – сохранению и ретрансляции в поколениях всей суммы накопленных человечеством знаний. Новый корпус предназначен для того, чтобы в нем учились студенты, которые, усвоив необходимый для избранной специальности запас истин, будут использовать его в интересах всего общества и в свою очередь передадут его следующим поколениям. Решение этой крупной задачи, естественным образом требует решения множества проблем на каждом уровне, как внутри академии, так и за ее пределами. Необходимо учесть множество факторов, согласовать позиции различных сторон, найти компромиссные решения, поступиться чем-то относительно маловажным, чтобы выиграть в кардинальных вопросах – все это и представляет задачу для общественного ума, роль которого в данном случае играет академия как часть системы образования и как организация, представляющая интеллигенцию. На фоне этих сложных проблем вопрос о том, станет ли кандидатом наук какой-то малообразованный и недостойный этого научного звания человек, представляется совершеннейшим пустяком. Ну и что ж, что он не умеет взять производную от $\cos x$. Это, конечно, плохо, но, позволив ему жевать в уголке ту крошку общественного пирога, которую ему удастся урвать в результате защиты диссертации, мы проведем в жизнь свои планы и за ближайшие годы подготовим тысячи квалифицированных специалистов, не только освоивших азы дифференциального исчисления, но и во всех отношениях стоящих на современном уровне научных и технологических знаний. Если взглянуть на дело в целом, то окажется, что академия успешно выполняет задачи, поставленные обществом перед данной отраслью интеллигенции, и что процент брака в ее работе, куда войдет и упомянутый малограмотный «ученый», составляет лишь незначительную долю всего интеллектуального продукта деятельности этой организации.

Эти хваленые интеллигенты

Рассуждая вроде бы логично, мы пришли к выводу, что организация и поведение лиц, входящих в ²интеллигенцию, рациональны и адекватны той профессиональной роли, которую они взяли на себя, – роли ума, обслуживающего интересы данного общества. Пусть некоторые аспекты их деятельности, подобные обсуждаемому эпизоду, выглядят некрасиво, пусть им время от времени приходится поступаться истиной и впутываться в неблагоприятные комбинации, но в целом – как организация – они делают свое дело. Они обычные, не лишенные недостатков люди, и от них нельзя требовать идеального совершенства. Конечно, и в среде ²интеллигенции, как и везде, есть свои жулики и проходимцы, которым глубоко наплевать на социальную роль интеллигенции и на профессиональные правила поведения, но не они определяют общее направление движения. Их присутствие в системе может ограничивать ее эффективность и снижать коэффициент полезного действия, но в целом работа данной социальной машины определяется не целями составляющих ее элементов, а наличием в ней разнообразных управляющих механизмов, обеспечивающих единство действий всех сотрудников данной организации и их подчинение воле общества. Важнейшими из этих механизмов, по-видимому, следует считать наличие пронизывающей все уровни иерархической структуры, которая, приписывая каждому сотруднику определенный ранг и подчиняя его решениям вышестоящих в этой структуре лиц, делает организацию более жесткой и интегрированной, а также материальную зависимость сотрудников от их деятельности в данной организации. Каждый сотрудник делает то, что от него требует начальство, и получает за это соответствующее вознаграждение. При такой организации умственного труда присущая индивидуам интеллигентность не только оказывается избыточной – ведь функцию ума выполняет не индивид, а учреждение, в котором он трудится, – но даже, как мы выяснили, во многих случаях вредит деятельности ²интеллигенции, поскольку может нарушить слаженную общую работу.

Если это так, то приходится признать, что не так уж неправы те, кого мы, рассуждая о спорах вокруг понятия *интеллигенция*, обозначили как «нигилистов», яростно отрицающих само существование особой категории *интеллигентных людей* и противопоставляющих им четкое и ясное европейское представление об *интеллектуалах*. Конечно, как мы уже разобрались, интеллигентные люди существовали испокон веку и продолжают существовать – здесь «нигилисты» явно перегибают палку. Но пафос их выступлений связан не столько с отрицанием этого факта, сколько с желанием доказать, что *вся эта хваленая интеллигентность ничего не значит – грош ей цена*. И вот с этим – пусть несколько запальчиво выраженным – утверждением нам, исходя из предыдущих рассуждений, придется, по-видимому, согласиться.

С тех пор, как функция ума общества перешла от расплывчатого и аморфного сообщества интеллигентных индивидов к социальным институтам и организациям, объединяющим ²интеллигенцию, роль интеллигентности как особого ярко выраженного качества, присущего некоторым людям, поневоле должна была практически сойти на нет. Сегодня, когда мы нуждаемся в специальных знаниях или когда мы должны принять обоснованное решение, требующее учета всех относящихся к делу обстоятельств, мы обращаемся к представителям соответствующих профессиональных сообществ: к врачам, инженерам, юристам и т. п. Именно у них мы ищем те, недостающие нам, но имеющиеся у человечества знания и опыт, особые навыки и умения, технологию и искусство, которые позволяют принять правильное в данной ситуации решение, с наибольшей вероятностью гарантирующее достижение нами желаемого результата. При этом в подавляющем большинстве случаев мы ожидаем от специалистов не их личного мнения по поводу решения наших проблем, а мнения, которое выражало бы сегодняшней взгляд на эти проблемы всего профессионального сообщества, чьим представителем является данный специалист. И это естественно. Приходя в поликлинику, мы рассчитываем на помощь, которую нам окажет не этот конкретный чем-то понравившийся нам субъект в белом аккуратно отглаженном халате, а вся современная медицина, по отношению к которой и этот врач, и вся поликлиника – лишь исполнители и носители всех имеющихся на сегодняшний день медицинских знаний и умений, лишь представители врачебной корпорации. Даже выбирая, к какому из врачей или в какую именно больницу обратиться со своими недомоганиями, мы ориентируемся на тот ранг, которым обладают те или иные представители медицины в самом медицинском сообществе, обращая внимание на ученые степени, звания, дипломы, титулы и награды. Всякий норовит попасть в известную клинику, и консультация профессора – это не то же самое, что осмотр участкового врача. То есть наше доверие к конкретному специалисту зиждется главным образом на доверии ко всему профессиональному сообществу и составляющим его учреждениям, и поэтому в своих оценках представителей ²интеллигенции мы руководствуемся теми внутренними рангами, согласно которым создается иерархия внутри самого этого сообщества. Однако если сегодня основным носителем интеллигентности выступают не отдельные лица, а учреждения и организации, то нет смысла выделять ¹интеллигентов в особую социальную категорию. Вероятно, в быту они еще отличаются от других менее интеллигентных граждан, но, если они выполняют функции интеллигенции профессионально, то на своем рабочем месте они делают то же самое, что и другие, не отличающиеся высокой интеллигентностью специалисты, поскольку профессиональное поведение и тех, и других определяется главным образом не их личными качествами, а требованиями системы, в которую они встроены. Таким образом, основной «нигилистический» тезис обнаруживает свою убедительность:

действительно, чтобы выполнять сегодня функцию ума в обществе, надо быть интеллектуалом, в то время как интеллигентность перестала играть важную роль в этом процессе. Ее социальная значимость утеряна, и, следовательно, само выделение интеллигентных людей в особую прослойку стало архаичным пережитком, который можно рассматривать как признак нашей отечественной культурной отсталости, уже отсутствующий в более цивилизованных краях.

Вот таков печальный для тех, кто считает себя интеллигентными людьми, итог наших рассуждений. Никакой значимой роли в современном обществе носители интеллигентности не играют, и обладание ею никаких ощутимых дивидендов не приносит, скорее наоборот – в большинстве случаев оно только затрудняет профессиональную карьеру и препятствует успешной деятельности в качестве ума общества. У интеллигентов сегодня нет оснований гордиться своей интеллигентностью и лелеять ее как очень ценный – хотя и опасный для его носителей – дар богов. В нынешних условиях это талант, подобный способности перемножать в уме шестизначные числа. Вы, разумеется, вправе гордиться этим редким даром и даже поражать им своих родственников и знакомых, но, если вы попытаетесь использовать его на работе при расчете нагрузок проектируемого моста, ваш начальник резонно порекомендует вам не выделяться, а поступать как все, то есть использовать соответствующую вычислительную программу, с помощью которой это можно сделать в сотни раз быстрее и намного надежнее. Точно то же самое произошло и с интеллигентностью: социальный прогресс привел к тому, что интеллигентные люди стали не нужны обществу, их заменила армия интеллектуалов, без всякой страсти, но за приличное вознаграждение выполняющих функцию *общественного ума*.

Поворот «Все вдруг»

Однако, придя к такому удручающему итогу, надо, по-видимому, остановиться и задуматься: не ошибаемся ли мы в своих рассуждениях? Не представляются ли все эти внешне правдоподобные выкладки очередные интеллигентские бредни? (Я говорю *интеллигентские*, потому что только интеллигентный человек может придти к убеждению, что его интеллигентность не только для него лично является обузой, но и всем прочим не приносит ничего хорошего). Дело в том, что результат, к которому нас привел ход мысли, изложенный на последних нескольких страницах, оказывается в резком противоречии с тем непосредственным, не зависящим ни от каких логических построений ощущением, которое сопровождает восприятие ситуации, описанной в нашем гипотетическом примере. Глядя на всю эту нелепую возню вокруг никуда не годной диссертации, не испытываешь ни малейшего сомнения в том, что единственный правильно, разумно и естественно ведущий себя человек – это тот, кто прямо и без всяких задних мыслей указывает на обнаруженную им глупость. Только он и соответствует

занимаемому им месту – ученого, специалиста, эксперта. Все же прочее «академическое сообщество» не только выглядит в этих обстоятельствах, мягко говоря, нереспектабельно, но и производит впечатление людей, дружными усилиями загибающих петлю на собственной шее. Пусть это всего лишь непосредственное чувство, адекватность действительности которого не подтверждается пока что никакими рациональными доводами, но ведь в обыденной жизни мы так и действуем, основывая свои поступки не столько на логическом расчете, сколько на неизвестно как возникающих, но все же редко нас обманывающих чувствах. Чувство – такой же инструмент постижения реальности, как и рациональные рассуждения, и чаще всего наши выводы и оценки основываются и на тех, и на других свидетельствах разума – желательно только, чтобы они были согласованы и не противоречили друг другу. В данном же случае мы столкнулись как раз с таким противоречием: наши чувства на стороне того, кто не обращает внимания на всякие махинации и прямо говорит правду, в то время как рассуждая мы пришли к выводу, что в подобных ситуациях для всего общества, а значит и для нас, выгоднее, чтобы члены Ученого совета закрыли глаза на эту неудобную правду и любым путем продолжали добиваться своих целей. Такое их поведение оптимально для решения задач, стоящих перед данной организованной группой интеллектуалов. Поскольку проверить истинность непосредственных ощущений нам не под силу, то, стараясь добиться согласованности своих полученных разными путями оценок, мы можем лишь одно: еще раз продумать свою систему аргументации, приведшую к заключению о социальной бесполезности интеллигентных людей в современных условиях, и попытаться найти в ней серьезные изъяны, обуславливающие ее принципиальную ложность.

Для этого вернемся к нашему исходному положению: организованные в специфические учреждения и сообщества члены ²интеллигенции не обязаны обладать выраженной индивидуальной интеллигентностью и, в общем, не склонны интересоваться истиной как таковой, однако это не мешает им успешно работать в организациях, играющих роль общественного ума. Каждый из них получил соответствующее образование, является специалистом в своей области и использует накопленный им запас знаний и умений для того, чтобы удовлетворять требованиям, предъявляемым к нему в той профессиональной структуре, в которой он работает. Основным мотивом его деятельности является не постижение, приумножение или сохранение неких истин, а вполне прагматический интерес – получение как можно большего дохода от своей профессиональной деятельности и (связанное с этим) достижение как можно более высокого ранга в своей отрасли.

Наши предыдущие рассуждения были основаны именно на тезисе о том, что существование и эффективное функционирование структур, состоящих только из интеллектуалов и не содержащих ¹интеллигентов, вполне представимо в реальной жизни и, более того, в сегодняшних условиях роль общественного ума

взяли на себя такие независимые от ¹интеллигентов социальные институты. Поскольку логические выводы из этого тезиса, противоречащие нашим чувствам, представляются нам сомнительными, следует проанализировать верность самого тезиса: действительно ли организации и сообщества, не включающие ¹интеллигентов, способны адекватно выполнять функции общественного ума, т.е. находить, репродуцировать и сохранять истины, требуемые обществом для его успешного воспроизводства и прогрессивного развития? Анализом этого вопроса мы сейчас и займемся, разобрав еще один гипотетический пример.

Примечания

1. Вот как звучит это предание в пересказе Р. Грейвса:

«Мидас присутствовал на знаменитом музыкальном состязании между Аполлоном и Марсием, судьей которого был речной бог Тмол. Тмол присудил приз Аполлону; а когда Мидас не согласился с его решением, наделил его ослиными ушами. Долгое время Мидасу удавалось прятать уши под высокой фригийской шапочкой, но его цирюльник, узнав о таком уродстве, не сумел сохранить тайну даже под страхом смерти. Страдая от того, что никому не может доверить свою тайну, он выкопал на речном берегу ямку, огляделся, чтобы вокруг никого и было, и прошептал: “У царя Мидаса ослиные уши!” Затем он закопал ямку и со спокойной душой пошел домой. Но покой его длился недолго: из ямки вырос тростник, который передавал секрет всем прохожим. Когда Мидас узнал, что его уродство ни для кого не секрет, он приговорил цирюльника к смерти, напился бычьей крови и мученически умер» [Грейвс, 1992, с. 216–217].

2. У Даля *страсть* и *одержимость* переходят друг в друга без отчетливой границы, как и наблюдается в привычном словоупотреблении: «*Страсть*, душевный порыв к чему, нравственная жажда, жаданье, алчба, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье. В животном *страсти* слиты в одно с рассудком, образуя *побудку*, а потому в *страстях животного* всегда есть мера; *страсти человека*, напротив, отделены от разумного начала, подчинены ему, но вечно с ним враждуют и никакой меры не знают. *Всякая страсть слепа и безумна*, она не видит и не рассуждает. *Человек в страсти пуще зверя*. *Страсть к игре*. *Скупость легко обращается в страсть*. *Нет страсти неистовее безумной любви*, но и она гаснет со временем; *напротив, властолюбие, обратившись в страсть, растет с годами*. *Любовь и ненависть противоположные страсти*. *Его обуяла несчастная страсть*» [Даль, 1953, с. 336].

Ближе к нашему пониманию толкование в словаре под редакцией Ушакова: «Сильное чувство, увлечение, создаваемое побуждениями инстинкта» [Толковый словарь русского языка, 2000, стлб. 547–548].

3. *Чего тут думать – работать надо!* – резюмирует известный анекдот, в котором сравнивается психология простого трудящегося человека с психологией

бездельничающей любопытной обезьяны, бездумно тратящей потенциал своих трех извилин на поисково-ориентировочную деятельность.

4. Интересно, что нечто, отдаленно подобное такой отрицательной корреляции между интеллигентностью и способностью занять доминирующее положение в группе, наблюдается и у животных. Как пишет П. В. Симонов, «наиболее сильно исследовательская активность выражена у среднеранговых животных. При помещении в клетку с крысами нового рычага для получения пищи доминирующий самец стремится закопать этот предмет, а приближенная самка подражает ему. Первыми осваивают новый рычаг среднеранговые крысы. Низкоранговые боятся нового и потому пассивны» [Симонов, 1987, с. 37–38].

Библиография

Вольский, Н. Н. Почему начальники не любят интеллигентов? Часть 2 // Культурный код. – 2019. – № 1. – С. 7–19.

Вольский, Н. Н. Почему начальники не любят интеллигентов? Часть 3 // Культурный код. – 2019. – № 4. – С. 8–22.

Грейвс, Р. Мифы Древней Греции. – Москва : Прогресс, 1992.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р – V. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 683 с.

Симонов, П. В. Мотивированный мозг. – Москва : Наука, 1987. – 272 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 тт. Т. 4. С – Ящурный. – Москва : Астрель; АСТ, 2000.